

Н. Н. Баранов*

ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ: ИСТОРИК И ЕГО МЕТОД

ИМЯ И ДЕЛО Леопольда фон Ранке – этого выдающегося, плодотворного и неоднозначного историка – удостоиваются превосходнейших эпитетов: «Леопольд фон Ранке принадлежит к классикам историописания... его повсеместно оценивают как величайшего немецкого историка, который с особой творческой силой и высокими изобразительными способностями достиг литературного результата высшего ранга»¹. Провозглашенная им еще в начале творческого пути задача писать ««как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*) до сих пор остается «паролем»-девизом цеха немецких историков. По словам современного историка исторической науки Лутца Рафаэля, во многих странах и прежде всего в Германии сложился своеобразный культ Ранке. Его превозносят как отца новой исследовательской методики: основанной на тщательном изучении архивных материалов реконструкции исторических фактов. При этом пренебрегают очевидным: тем, что предельно выраженная в трудах самого Ранке и его учеников идеалистическая философия истории чаще всего интерпретируется как выражение тривиальных политических объективных данностей².

Леопольд Ранке родился 21 декабря 1795 г. в маленьком древнем тюрингском городке Вие на реке Унструт в семье юриста Готтлиба Израэля и Фредерики (урожденной Лемике) Ранке. Для его предков, образованных буржуа-лютеран в нескольких поколениях, были характерны ориентация на успех и стремление к социальному росту. Отец Леопольда, потомок лютеранских пасторов, переориентировался с теологии на юриспруденцию, был адвокатом в родном городке, где ему от матери в наследство достались дом и земельное владение. Он женился на дочери соседа – дворянина-помещика. Многодетная семья принадлежала к местному нобилитету, вела жизнь обеспеченную, но экономную. Особые надежды родители возлагали на сыновей, которые должны были продолжить историю успешного рода и, по возможности, еще больше возвыситься. Главным объектом этих надежд, естественно, был старший сын – Леопольд. Успешной жизненной самореализацией он должен был подать пример другим братьям. Леопольд рос в атмосфере, которая была пронизана подобными настроениями. Ему с ранних лет было присуще честолюбие, находившее выражение в стремлении сделать что-нибудь выдающееся и достичь как можно более высоких результатов. Этот исходный жизненный импульс, который распространялся также и на его братьев (Фридрих-Генрих (1798–1876 гг.) и Эрнст (1814–1888 гг.) – оба стали теологами), обусловил ту целеустремленность, которая, поначалу даже без должного содержательного наполнения, определяла всю дальнейшую его жизнь.

* Баранов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Уральского государственного университета имени А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Berding H. Leopold von Ranke / Deutsche Historiker. Hrsg. von Hans-Ulrich Wehler. Göttingen, 1973. S. 7.

² См.: Raphael L. Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme. Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart. München, 2003. S. 67 f.

Обучение Леопольда было уже тогда типичным для той социальной ситуации, в которой он рос и воспитывался. Сначала – латинская школа в родном городке, затем – монастырская в соседнем Донндорфе. В 13-летнем возрасте его определили в богатую традициями элитную княжескую школу в Пфортте, где основное внимание уделялось изучению Библии, древних языков и литературы – от античной до современной немецкой. После того, как весной 1814 г. Леопольд завершил свою выпускную работу о греческой и современной трагедии, он поступил в Лейпцигский университет, чтобы изучать теологию и классическую филологию, что отвечало как традиционным семейным установкам, так и предшествующему курсу обучения. По его собственным словам, первая же университетская лекция профессора Виланда по истории надолго отбила у него охоту заниматься этим предметом. Под руководством Христиана Даниэля Бека он постигал «реальную филологию», которая рассматривала тексты как источники конкретного исторического знания, а у Готфрида Германа учился «филологии языка», то есть критике и комментированию. В университете он освоил все современные направления немецкой литературы и философии, читал труды Г.-Э. Лессинга, Ф. Шлегеля, И. Канта, Г. Фихте, К. Нибура. Благодаря своему однокашнику, будущему профессору истории в университете Бреслау Адольфу Гаральду Штенцелю, Леопольд открыл для себя средневековых авторов. 20 февраля 1817 г. за диссертацию о Фукидиде ему была присуждена ученая степень.

Между тем согласно решению Венского конгресса значительная часть Саксонии, включая родной город Ранке, Вие, отошла к Пруссии. Таким образом, Леопольд Ранке превратился в прусского подданного. Это событие стало для него первым случаем столкновения с политическим миром, от которого ранее он дистанцировался. Отношение к прусскому политическому режиму, поначалу нейтрально-сдержанное, переросло у Ранке в открытую неприязнь после принятия Карлсбадских постановлений 1819 г. В 1822 г. он даже подумывал о переезде в сравнительно либеральную Баварию. И все же, Ранке оставался весьма далек от политической активности и стремился, в отличие от своего брата Генриха, сохранять позицию наблюдателя. Покой и стабильность он всегда предпочитал кризисным ситуациям, ответственными за которые, по его мнению, в равной степени были и революционные, и реакционные силы. Во всяком случае, профессиональную деятельность Ранке решил начать на родине. Осенью 1818 г., после сдачи необходимого экзамена в консистории провинции Бранденбург в Берлине, он получил место учителя в гимназии Франкфурта-на-Одере (*Fridericianum*). Это основанное в 1694 г. учебное заведение пользовалось тогда высокой репутацией, фактически заменив университет, перемещенный в 1811 г. в Бреслау. Там Ранке в течение семи лет преподавал греческий и латинский, а также античную историю. К своим обязанностям относился серьезно, основательно готовился к урокам, интенсивно общался с коллегами, горячо поддерживал фундаментальный принцип образовательной реформы В. фон Гумбольдта – единство науки и преподавания. К тому же реализация этой реформы в глазах Ранке придавала более привлекательный вид самому Прусскому государству. Тем не менее, с течением времени Ранке стал тяготиться «обскурантистской» атмосферой Франкфурта и в конечном счете принял твердое решение искать новое место.

Поворот в профессиональной судьбе обозначился осенью 1824 г., когда Ранке опубликовал свой первый научный труд – первый из двух томов «Истории романских и германских народов с 1494 по 1535 гг.» с приложением «К критике

современного историописания»³. Уже в этой работе были представлены и реализованные базовые принципы, отличавшие Ранке-историка. Его всего больше интересовала индивидуальность каждого исторического деятеля, получающего под его пером вполне конкретный образ. *Primum agens* истории – личность. Именно здесь он сформулировал фразу, которая стала фундаментом его исследовательского метода и лозунгом профессиональной самореализации многих поколений немецких историков – «писать, как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*), не становясь судьей прошлого и не поучая современников. Он работал над книгой с весны 1820 г., а ее публикация равносильна была ответу на гамлетовское «быть или не быть». Все было рассчитано точно. Брат Фердинанд, который помог с изданием, использовал свои связи в прусском министерстве культуры. Нужные чиновники получили по экземпляру монографии с сопроводительными письмами, в которых автор характеризовался с наилучшей стороны. Результат превзошел все ожидания. В Ранке обнаружился научный талант, который заслуживал безусловной поддержки. Особенно внушало доверие его стремление избегать какой-либо явной политической тенденциозности.

Весной 1825 г. Ранке был назначен на должность экстраординарного профессора истории в Берлинском университете. Однако ему пришлось ждать почти десять лет, прежде чем стать ординарным профессором. Его актовая лекция при выступлении в эту должность состоялась только в ноябре 1836 г. Однако цель была достигнута. Ранке стал преподавать в самом современном тогда немецком университете, мог продолжать свои научные исследования в гораздо более благоприятных условиях. Перед ним стали открываться двери главных столичных салонов. Он сблизился с Фридрихом Карлом фон Савиньи, Варнгагеном фон Энзе, Александром фон Гумбольдтом, Ахимом и Беттиной фон Арнимами, принимал участие в обширных эстетических, философских, научных и политических дебатах. На него обратили внимание: он отличался убежденностью и индивидуальностью суждений. В Берлине сформировался интерес Ранке к современной истории. В берлинской библиотеке Ранке нашел 48 томов неопубликованных итальянских донесений, касавшихся главным образом истории Южной Европы. Он воспользовался ими в своем новом сочинении «Князья и народы Южной Европы» (1827 г.), или, в переиздании, «Османы и испанская монархия в XVI и XVII вв.»⁴. Хотя и в этом сочинении исторические личности стояли на первом плане, автор отмечал историческую связь событий, указывал на единство всемирно-исторического процесса. Отдельное событие имело для него значение лишь как момент развития абсолютного духа (в чем явно просматривалось влияние Гегеля). Он демонстрировал предельную научную объективность, не допуская и тени эмоций в адрес героев своего сочинения.

В 1827 г. Ранке получил отпуск для посещения архивов и библиотек. Он посетил Нюрнберг, Мюнхен, Дрезден, Прагу, Вену. В ходе поездки он завязал множество важных в профессиональном и личном отношении знакомств. В Праге это были известные деятели славянского возрождения Йозеф Добровский и Вацлав Ганка, в Вене – дипломат и публицист Фридрих Гентц, сербский лингвист Вук Караджич, словенский славист Варфоломей Копитар, историк Иосиф Гормайр. Знакомство с Караджичем побудило Ранке заняться новейшей истори-

³ Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber Leipzig/Berlin, 1824.

⁴ Ranke L. Fürsten und Völker von Süd-Europa im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert. Bd. I–IV. Hamburg; Berlin, 1827–1836.

ей Сербии; он окончил ее летом 1828 г.⁵ В том же году он отправился в Италию. Так как Ватиканский архив в то время еще не был доступен для исследователей, то в Риме пришлось ограничиться изучением частных библиотек – Барберини, Киджи, Альбани, Корсини. Занятия в архиве Медичи историей Флоренции дали ему материал для характеристики Макиавелли. Его «итальянское путешествие» продолжалось до 1831 г. Ранке вернулся с громадным запасом архивного материала, который использовал при подготовке своих последующих трудов. Позже он совершал поездки в архивы Германии, в Брюссель, Лондон, Париж, снова в Венецию и Вену.

После возвращения в Берлин, не оставляя преподавания и науки, Ранке некоторое время пробовал свои силы в политической публицистике. По предложению К. Савиньи он возглавил новое издание – «Историко-политический журнал» (*Historisch-politischen Zeitschrift*). Журнал возник по инициативе прусского правительства, которое под влиянием Июльской революции стремилось лавировать между полярными политическими лагерями и было заинтересовано в издании, которое способно было противостоять крайностям как «правой», так и «левой» прессы, привлекать на свою сторону общественность не столько заметками на актуальные политические темы, сколько масштабными исторически обоснованными обобщениями современного положения. Ранке казался самой подходящей кандидатурой – с одной стороны, обладал аурой свободного от политического давления ученого, с другой – именно поэтому обязан был правительству своеобразным «долгом благодарности». Он взялся за новую работу с большим энтузиазмом. В этот момент ему казалось, что профессиональный историк должен играть активную публичную роль. Большинство статей он писал самостоятельно. В первой же статье Ранке отметил следующие явления современной ему жизни: политические теории решительно господствуют; борются между собой две школы. Как средневековая схоластика стремилась подчинить своим теориям интеллектуальный мир, так современная схоластика поставила своей целью управлять реальным миром по своим отвлеченным школьным теориям. Необходимо изучать каждый народ, понять внутренние мотивы, двигающие им. Новый журнал, по словам Ранке, не враг прогресса; он восстает лишь против исключительно разрушительных нововведений. Ранке предостерегает Германию от излишнего увлечения иностранными доктринами. Ему казалось само собой разумеющимся, что анализ исторических процессов должен в целом обуславливать конкретную политическую деятельность. Для Ранке речь шла не о политической пропаганде, но об историческом просвещении, которое само должно было вызвать желаемые политические результаты. Этот замысел означал отказ от политики, превращение журнала, едва он только начал выходить, в чисто исторический. В результате и власти, и основные политические силы потеряли к нему всякий интерес. В 1836 г. журнал тихо прекратил свое существование. Ранке усвоил урок и никогда больше не занимался публицистикой.

Неудача с «Историко-политическим журналом» никак не повлияла на дальнейшую научную карьеру Ранке. Уже в 1834–1836 гг. он подготовил трехтомный труд «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII вв.»⁶, который принес ему мировую известность. Своей задачей Ранке ставит выяснить значение римских пап в XVI и XVII вв., когда наступил новый период их духовно-

⁵ Ranke L. Die serbische Revolution. Aus serbischen Papieren und Mittheilungen. Hamburg, 1829.

⁶ Ranke L. Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im sechzehnten und siebenhnten Jahrhundert, Bd. 1–3. Berlin, 1834.

светского могущества. В труде протестантского историка нет и тени какой-либо вражды, тенденции или пристрастия, что вызвало в его адрес нарекания ортодоксальных протестантов. Построен этот труд был исключительно на архивном материале. В приложении к нему (*Analekten*) Ранке дал критическую оценку печатных источников, в особенности двух сочинений по истории Тридентского собора – Сарпи и Паллавичини. На книгу обратили внимание все ученые Европы. В 1838 г. вышел ее французский перевод, сделанный иезуитом Гэбером; где он фальсифицировал ряд мест в тексте Ранке. Это вынудило его обнародовать протест против сделанных искажений, который приветствовали выдающиеся ученые Франции – А. Тьер, Ф. Минье, А. Вильмен и др. В Англии вышло несколько переводов этого сочинения. Первые два тома были переведены и опубликованы в России в 1869 г.

Одновременно с начала 30-х годов Ранке начал проводить со своими учениками в университете регулярные занятия, которые положили начало его знаменитому семинару. Там обсуждались по преимуществу вопросы из эпохи салических императоров и Гогенштауфенов. Повлияли на выбор именно этих периодов, скорее всего, известные тогда труды Фр. Раумера и А. Штенцеля. В рамках этого семинара обрела институциональные формы научная школа Леопольда Ранке. Здесь работали будущие светила немецкой исторической науки – Генрих фон Зибель, Якоб Буркхардт, Георг Вайц, Карл фон Ноорден и др. В 1837 г. вышел первый труд этих молодых ученых – «Ежегодник Германской империи», изданный Г. Вайцем. Введение к нему было написано Ранке.

Леопольд Ранке женился в 1843 г. на Елене Клариссе Грейвс (1808–1871 гг.) из старой английской семьи, дочери дублинского комиссара полиции Джона Кросби Грейвса (1776–1835 гг.) и Елены Персеваль (1785–1835 гг.). У Леопольда и Елены Клариссы Ранке было трое сыновей – Отто (1847–1917 гг., пастор), Фридухельм (1847–1917 гг., генерал-майор, был женат на своей кузине Сельме фон Ранке) и скончавшийся во младенчестве Альбрехт (1849–1850 гг.), а также дочь Максимилиана (1846–1922 гг.).

Еще во время «итальянского путешествия» в конце 20-х годов в Венеции Ранке был представлен кронпринцу Прусскому, будущему королю Фридриху-Вильгельму IV, который проникся к нему симпатией. Вскоре после восшествия на престол в 1841 г. новый король назначил Ранке официальным историографом Прусского государства. Однако даже если Ранке вынужден был соприкасаться с политическими проблемами, он не отходил от своей историко-политической концепции. В подобной манере им были написаны памятные записки в период революции 1848–1851 гг. и во время Крымской войны. В 1854 г. Фридрих-Вильгельм IV ввел Ранке в обновленный состав Государственного совета – совещательного органа при короле. Ранке получил титул действительного тайного советника, а в 1865 г. был удостоен дворянства. За заслуги в сфере науки и культуры в 1855 г. Ранке был награжден высшим прусским орденом – «За заслуги» (*Pour le mérite*) и в 1867 г. стал канцлером этого ордена.

К съезду германистов во Франкфурте-на-Майне 1846 г. Ранке подготовил историко-критическое издание актов рейхстага, в котором принимали участие историки со всей Германии. В 1854 г. он был приглашен прочесть курс всемирной истории баварскому королю Максимилиану II, который познакомился с Ранке, еще будучи студентом Берлинского университета. Введение к курсу представляло собой своеобразный манифест научного позитивизма: «Я бы назвал руководящими принципами нашего времени взаимное размежевание двух принципов – монархии и народовластия, с которыми связаны все другие контрасты; бес-

конечный рост материальных сил; крайне многостороннее развитие естественных наук; небывалое участие большой публики в духовной жизни; безграничное распространение знаний; живое отношение к общественным делам. Таковы характерные признаки нашей эпохи». В лекциях была дана характеристика отдельных столетий и исторических эпох. Это было тем более замечательно, что Ранке, читая королю свой курс, не имел под руками никаких книг. Он сам назвал свои лекции историческими рапсодиями. При содействии Максимилиана II при Мюнхенской академии наук основана была в 1859 г. специальная историческая комиссия, задачей которой было издавать важнейшие памятники немецкой истории. Ранке до конца жизни оставался главой этой комиссии. Она оказалась первой институциональной формой объединения профессионального сообщества большинства немецкоговорящих историков.

В 1871 г. Леопольд Ранке оставил преподавание в университете, однако до самой смерти продолжал научную деятельность. Последним его масштабным проектом стала «Всемирная история», которую, в силу преклонного возраста он уже не писал, а диктовал. При его жизни с 1880 г. вышло семь томов этого труда. Восьмой и девятый тома были подготовлены к изданию на основе материалов и заметок автора Альфредом Дове⁷. Леопольд Ранке скончался на 91-м году жизни 23 мая 1886 г. в Берлине.

Еще при жизни Ранке превратился в символ академизма, олицетворяя лучшие традиции немецкой исторической науки. В последней трети XIX в. уже сложился культ школы Леопольда фон Ранке, представленной такими знаменитыми исследователями как Г. фон Зибель, Т. Моммзен, Я. Буркхардт и другие. Влияние этой школы на русскую историографию XIX в. бесспорно. Из семинаров Ранке вышли С. М. Соловьев, Т. Н. Грановский, В. И. Герье и другие. Это хорошо известные факты. Однако по-прежнему в отечественной историографии «метод Ранке», аккумулировавший в себе лучшие достижения немецкой исторической мысли XIX в., носит размытый и неясный характер. В чем же его суть?

Успех Ранке зиждился, прежде всего, на первоклассной филологической подготовке. Знание языков и понимание их развития было поставлено во главу угла. Сам Ранке был незаурядным латинистом и гебраистом. Исторический источник и его адекватное прочтение «как это было на самом деле» стало основой исследовательской практики историка. Здесь-то у Ранке яснее и четче всего отделяется профессиональный статус историка от писателя и философа. Строгость и точность в изложении полученных результатов – обширный подстрочник – претендовали на максимальный объективизм исторического знания. Дистанцирование от морализаторства и политики позволяло историку, по мысли Ранке, добиваться этого. Ранке чужды глобальные обобщения (общие законы имеют место лишь в рамках божественного предопределения). Ранке – историк-практик, его задача «возродить» исторические персонажи и события. Педантизм и «приземленность» Ранке снискали ему оценку консервативного историка. В значительной степени это связано с тем, что он первым реконструировал целостную картину истории прусского государства. Это обстоятельство в историографии зачастую оценивалось как обслуживание малогерманского пути объединения Германии. Но здесь Ранке предстает, прежде всего, как патриот, носитель идеи великой истории Германии. И, возможно, главный фактор жизненности метода Ранке заключается в ставке на творческую самостоятельность исследователя, которую выдающийся немецкий историк трепетно возвращал в своих учениках.

⁷ *Ranke L. Weltgeschichte. In 9 Teile. Leipzig, 1881–1888.*